

От палки или камня тело заболит,
а слово не заденет и мимо пролетит.

Детский стишок

Она еще долго кричала, после того как они ее бросили — вкладывая в крик все свои силы, все, что у нее было, — но это не помогло. Ведь как можно кричать, когда вам в рот затихнули полотенце и обмотали его вокруг головы. У полотенца был затхлый привкус, как будто оно пролежало в ящике комода целый год. Она представила себе, как Маккензи, Элиза или кто-то еще из девочек нашли его в бунгало и засунули в ярко-розовый рюкзак. Вместе с веревками, которыми она теперь была привязана к дереву.

Она отчаянно пыталась освободиться от пут, но девочки связали ее крепко, чтобы не дать сдвинуться с места. Одна веревка была крепко затянута у нее под грудью. Другая — туго давила на голые бедра, больно впинаясь в мягкую бледную кожу.

Слезы прекратились, но лицо все еще было мокрым и зябло в весеннем ночном воздухе. Болел затылок — в том месте, где она ударилась им о дерево. Она знала, что разбила его до крови, потому что волосы уже слиплись коркой.

Сколько бы раз она ни билась головой о дерево, сколько бы ни плакала, девочки не знали жалости. Осыпали ее оскорблениями. Хохотали над ней. Даже плевали в нее.

Она на миг умолкла и прислушалась. Помимо звуков леса — стрекота насекомых и уханья далекой совы, —

вокруг царила тишина. Даже приглушенные шаги девочек по тропинке, ведущей к домику, стихли.

До полуночи оставался еще час, и она понятия не имела, как долго они продержат ее здесь. Маккензи, конечно же, не сказала, как и остальные девочки. И поскольку ей не оставалось ничего другого — и горло еще не осипло, — она сделала единственное, на что была способна.

Она закричала.

ЧАСТЬ I

Призрак

1

Девочка наносила себе порезы.

Скорее всего, ножом — для резки овощей или для стейка, украденным из кухни, когда родителей не было рядом, — или, может быть, использовала ножницы, которые уже были спрятаны в спальне: раздвигала и впиалась кончиком одного из лезвий в кожу.

Мы еще дойдем до этого.

Сегодня был первый сеанс с этой девочкой. Точнее, первый прием. У меня имелось лишь направление, присланное из психиатрической клиники, где она находилась восемь дней. Информации в нем было мало.

Имя: Хлоя Киттерман. Возраст: тринадцать лет. Причина госпитализации: из-за суицидальных намерений порезала себе запястья. Рекомендация после лечения: продолжить медикаментозное лечение, начать амбулаторное наблюдение.

Именно это привело сегодня ко мне в кабинет Хлою и ее мать.

Но даже и без выписки из истории болезни нетрудно было предположить, что Хлоя имела склонность ранить себя. Это было видно по ней. Худая и миниатюрная. Длинные рыжие волосы. На лице россыпь веснушек. Выкрашенные в черный цвет ногти. Но ничто из этого еще не говорило о ее склонности к нанесению себе резаных ран.

Дело было в одежде. Она сидела на черном кожаном диване рядом с матерью, уставившись в свой телефон. В выцветших джинсах с заниженной талией, кроссовках и серой толстовке марки «Холлистер» с капюшоном.

Был конец апреля, и температура на улице поднялась выше восьмидесяти градусов по Фаренгейту¹. Слишком жарко для толстовки. Она пыталась скрыть порезы на руках.

Ее мать, миссис Киттерман, похоже, довела до совершенства свою роль статусной жены. Ей явно было хорошо за сорок, но выглядела она намного моложе. Лицо гладкое и свежее, без единой морщинки. Песочно-каштановые волосы идеально уложены. Либо она почти ничего не ела, либо каждый день занималась фитнесом, вероятно, с дополнительным сеансом йоги. Бриллиант на ее пальце был таким огромным, что я удивилась, как ей удается поднимать руку без посторонней помощи. Вероятно, ее муж получал внушительное шестизначное жалование. Одетая она была так, будто купила всю свою одежду в «Нейман Маркус»²: хлопковые брюки, классические сандалии на платформе, хлопковая рубашка от «Хенли» — один только ее гардероб сегодня наверняка стоил больше, чем я зарабатываю за неделю, и это не считая кожаной сумки от «Эрме», которую она поставила между собой и дочерью.

Женщина не закрывала рта с того момента, как они вошли в мой кабинет. Она сказала, что все это для них в новинку. Сказала, что никто в ее семье раньше не нуждался в помощи психотерапевта. Должна ли ее дочь лежать на кушетке и рассказывать мне о своих чувствах, как это показывают по телевизору?

¹ 80 градусов по Фаренгейту — 26,7 градуса по Цельсию.

² «Нейман Маркус» — американская сеть люксовых универмагов.

Она продолжала бесконечно сетовать на то, сколь ужасна сейчас жизнь из-за депрессии ее дочери, а Хлоя тем временем тихонько сидела рядом с ней. Ее взгляд был прикован к экрану телефона.

В какой-то момент миссис Киттерман остановилась на полуслове, как будто внезапно осознав, где она и кому сообщает столь личную информацию. Она обвела глазами тесную комнату — стены в основном голые, лишь несколько мотивационных плакатов в рамках, — а затем посмотрела на дочь. Заметив телефон, тяжело вздохнула.

— Хлоя, кажется, я сказала тебе убрать его.

Хлоя не ответила, продолжая таращиться в гаджет. Ее большие пальцы перемещались по экрану в странной стремительной хореографии, доступной только подросткам.

— Хлоя, не заставляй меня повторять.

Секунда прошла без ответа. Затем Хлоя тяжело вздохнула, резко положила телефон на подлокотник дивана и скрестила на груди руки.

Миссис Киттерман посмотрела на дочь, покачала головой и, закатив глаза, посмотрела на меня.

— Я совершенно серьезно. Понятия не имею, что происходит с этим ребенком. Ее просто... не узнать. Раньше она была веселая. Раньше я могла с ней разговаривать. Теперь же я получаю от нее только грубость.

Мой сотовый, лежавший на столе, завибрировал и пару раз коротко пискнул, сообщая, что пришло сообщение. Не обращая на него внимания, я кивнула миссис Киттерман, чтобы она продолжала.

Она нахмурилась.

— Вы моложе, чем я ожидала.

— Мне двадцать восемь.

— Значит, вы занимаетесь этим недавно.

Ее тон предполагал, что для работы с ее дочерью мне не хватает опыта. Что в некотором роде так и было. Я работала психотерапевтом всего четыре года. Некоторые из моих коллег по центру психологического здоровья «Тихая гавань» проработали здесь уже несколько десятилетий.

— Если вы хотите, чтобы Хлоя посещала другого терапевта, я, безусловно, могу передать ее. Однако, насколько я понимаю, вы обратились именно ко мне.

Ее идеальной формы нос сморщился.

— Не то чтобы конкретно к вам... В общем, да, вас рекомендовал терапевт в стационаре. Она тоже молоденькая, и ей казалось, что Хлоя сможет открыться кому-то, кто не настолько... старый.

Она сказала это пренебрежительно, как будто не могла понять, почему ее дочь не сможет найти общий язык с кем-то втрое старше ее.

Я заставила себя улыбнуться.

— Опять же, если вы хотите, чтобы Хлоя посещала сеансы у кого-то еще, я могу выписать ей направление.

— Нет, в этом нет необходимости. Просто... — Она умолкла, заметив на моем пальце кольцо. — Вы замужем?

— Помолвлена.

Сказав это, я посмотрела на свою руку. Мой бриллиант был намного меньше, чем у миссис Киттерман.

— Значит, у вас нет детей.

Она сказала это почти осуждающе, как будто ждала, что у меня их должно быть, по крайней мере, двое, под опекой няни-иммигрантки.

Я подтвердила, что детей у меня нет.

— Тогда как... — Она замахала руками, словно надеясь поймать в воздухе нужное слово. — Как вы собираетесь помочь моей дочери?

— Миссис Киттерман, с тех пор как я окончила колледж, я работала со многими девушками того же возраста, что и Хлоя.

— И вы им всем помогли?

— Нет.

Казалось, она вздрогнула от резкости моего честного ответа.

— Нет? Тогда зачем моей дочери тратить время на то, чтобы посещать вас?

Она вела себя агрессивно, что было вполне предсказуемо. Для нее это внове. Она была напугана и не знала, что будет дальше. Я не винила ее.

— Миссис Киттерман, вы должны понять: терапия — это не точная наука. Помимо меня и вашей дочери, здесь задействовано множество других факторов. Это вы и ваш муж, все ученики в школе Хлои и любые друзья, какие у нее могут быть вне школы. Я не могу обещать, что мы немедленно найдем с ней общий язык, и любой терапевт, который вам такое пообещает, не тот, кого бы я порекомендовала.

Женщина в упор посмотрела на меня, явно озадаченная моим ответом. Возможно, она ожидала, что я буду более раболопной, раз уж мне за это платят.

Мой телефон завибрировал снова: пришло еще одно текстовое сообщение. Я вновь проигнорировала его и сосредоточила все свое внимание на матери Хлои.

— Миссис Киттерман, считаю своим долгом заранее вас предупредить: моя роль здесь не в том, чтобы работать *на* вас или вашу дочь. Моя роль — работать *с* вашей дочерью. Вам понятна разница?

Она кивнула. Это был легкий, едва заметный кивок, и тем не менее.

— Это наш первый сеанс, — сказала я. — Фактически это даже не сеанс — первичный прием. Я слушаю и со-

бираю информацию. Если вы хотите, чтобы Хлоя посетила меня, то сообщаю заранее: я обычно встречаюсь с пациентами только один на один.

Мои слова явно ее шокировали, но затем она покачала головой.

— Это все в новинку для нас. Я еще ни разу не видела никого, кому нужен психотерапевт, не говоря уже о собственной дочери.

А потом она снова заговорила о том, что не может поверить, что это происходит с ее семьей.

— Она сейчас принимает лекарства. Моя дочь принимает мозгоправные лекарства. Врачи говорят, что у нее депрессия. Я просто не понимаю. Откуда?

Обычно я имею дело с тремя группами родителей.

Теми, кто понимает, что что-то не так, и хочет сделать все возможное, чтобы помочь своему ребенку.

Теми, кому наплевать, что что-то не так, и кто не собирается прилагать никаких усилий, чтобы помочь своему ребенку.

И теми, кто отрицает, что что-то может быть не так. Их ребенок теперь стал неудобством. И в девяти случаях из десяти причиной проблемы является что-то дома. Нечто такое, о чем родители не хотят говорить, из-за чего лечение длится намного дольше, чем нужно.

Миссис Киттерман из этой последней группы. У Хлои кризис — Господи, ведь она порезала себе запястья! — но матери казалось, будто вся ее жизнь перевернулась.

Мой телефон завибрировал снова. На этот раз вместо того чтобы проигнорировать его, я протянула руку и нажала кнопку, чтобы его выключить.

И вновь заставила себя улыбнуться миссис Киттерман:

— Не будете возражать, если мы с Хлоей поговорим наедине?

В глазах женщины появился настороженный взгляд, подтвердивший мои подозрения.

— Но вроде вы сказали, что это первичный прием.

Она произнесла это холодно, спокойно, однако я почувствовала в ее голосе легкую нотку раздражения.

— Верно. По крайней мере, первая его часть. Нам все равно нужно будет составить план лечения, определить цели, к которым мы стремимся: например, как научиться справляться с депрессией. Но пока я хотела бы поговорить с Хлоей наедине.

Это предложение явно пришлось миссис Киттерман не по душе, однако она кивнула и встала с дивана. Прижав сумочку «Эрме» к плечу, как будто боялась, что я попытаюсь ее вырвать, она направилась было к двери, но затем повернулась к дочери и протянула руку.

Хлоя сидела неподвижно, глядя на свои колени.

Миссис Киттерман откашлялась.

Хлоя вздохнула и едва не швырнула телефоном в мать.

Миссис Киттерман бросила телефон в свою сумочку, напоследок посмотрела на меня, словно желая удачи, и вышла. Я закрыла за ней дверь. Развернулась. И улыбнулась Хлое, которая все сидела, впившись взглядом в колени. Затем подошла к столу, села, откинулась на спинку стула и уставилась в потолок. В молчании прошла целая минута.

— Весело с твоей мамой, наверное.

Моя фраза рассмешила Хлою, она даже тихонько фыркнула. Во всяком случае, комментарий застал ее врасплох.

Не вставая с кресла, я подалась вперед и пристально посмотрела на Хлою.

Она в ответ посмотрела на меня.

— Ты боишься, не так ли? — спросила я.

В отсутствие матери ей больше не нужно было сохранять бдительность, и она позволила себе легкий кивок.

— Тебе требуется помощь?

Еще один легкий кивок.

— Хорошо. То, что ты это сейчас признаешь, особенно в твоем возрасте, просто невероятно. Но я буду честна с тобой — что бы ты ни пережила, потребуется время, чтобы во всем разобраться. Я здесь для того, чтобы слушать, и все, что ты мне скажешь, останется между нами. Но, пожалуйста, пойми одну вещь: я так называемый уполномоченный по проблемам детей. Если ты скажешь мне нечто такое, что заставит меня заподозрить, что ты подвергаешься насилию или если ты признаешься, что тебе хочется причинять вред себе или другим, я буду вынуждена сообщить об этом органам опеки. Ты поняла?

Еще один кивок.

— Хорошо. Итак, я здесь для того, чтобы тебе помочь, при условии, что ты будешь честной со мной. Договорились?

На этот раз кивок был едва заметным.

— Нет, Хлоя, так дело не пойдет. Мне нужно услышать либо да, либо нет.

Ее взгляд вновь переместился на колени. Она долго сидела неподвижно, но потом, наконец, подняла глаза.

— Да, — прошептала она.

Двадцать минут спустя, отправив Хлою и ее мать домой с назначением явиться на следующей неделе, я снова включила телефон. Потребовалась минута, чтобы поймать сигнал, после чего на экране начали всплывать пришедшие за это время сообщения. По какой-то причине я ожидала, что они будут от Дэниела, но все оказались от моей матери.

Позвони мне.

Ты помнишь Оливию Кэмпбелл?

Она ПОКОНЧИЛА С СОБОЙ!

2

Новой страстью моей матери был чай. Не коробки с пакетиками, какие можно купить в супермаркете — «Липтон» и «Селестиал Сизонингс», «Бигелоу» и «Стэш», — а развесные чаи. Те, что стоят в больших стеклянных банках на стеллажах чайного отдела, и их нужно насыпать в бумажный пакет и взвешивать. По мнению моей матери, чем дороже чай, тем он вкуснее.

— Чего бы ты хотела? — спросила она меня, проходя по кухне, пока на плите закипал чайник. Она деловито открывала и закрывала шкафчики и, наконец, достала две чашки и два маленьких блюдца.

Я сидела на табурете у кухонного стола-островка и смотрела на нее. Двадцать лет назад я сидела на этом же месте, а моя мать с торопливой грацией перемещалась с одного конца кухни в другой, готовя нам с отцом завтрак, прежде чем мне пойти в школу, а им двоим — на работу. В то время я думала, что у нее слишком много энергии. Теперь я понимала: у нее СДВГ¹.

— Ничего не надо, спасибо.

Мать замерла как вкопанная. Она умолкла, словно не знала что сказать, и с удрученным выражением лица повернулась ко мне.

— Ты уверена? На днях я купила четверть фунта рассыпного белого чая. Он называется «Серебряные жасминовые иглы». Девяносто девять долларов девяносто девять центов за фунт.

Я открыла рот, не зная что сказать, но это не имело значения, потому что мать снова повернулась к столу, поставила чашки и блюдца и начала рыться в корзине с чайными пакетиками.

¹ СДВГ — синдром дефицита внимания и гиперактивности (прим. пер.).

— У меня есть «Сакура Сенча», это зеленый чай из Японии. И хризантемовый из Китая. И ромашковый из Египта.

— Меня устроит.

Она резко обернулась и быстро взглянула на меня.

— Что тебя устроит?

— Ромашковый.

Она поморщила нос.

— Не уверена, что тебе понравится.

Я вздохнула. У меня был долгий день, и этот разговор не помогал мне снять мой обычный ежедневный стресс.

— Ты попросила меня заехать к тебе после работы, — что, кстати, не ближний путь, — и вот я здесь. Я не хочу чая.

— А как насчет кофе?

— Мам.

— Тогда воды?

Я знала: она будет спрашивать до бесконечности, пока не уломает меня.

— Хорошо, воды. Я согласна.

Она повернулась к столу, схватила чашку и блюдце, вернула их на свои места в шкафчике и снова повернулась ко мне.

— В бутылке или из-под крана?

— У тебя есть вода из Японии?

Она замерла, как бы задумавшись.

— Мам, я шучу. В бутылке подойдет.

Она достала из холодильника бутылку родниковой воды. Между тем засвистел чайник. Мать заварила чай и наконец, подошла к столу и села.

Я выдохнула.

— Как Дэниел? — спросила она.

— У него все хорошо.

— Я давно его не видела.

— Он много работает. Как и я.

— Я не становлюсь моложе, Эмили. Хочется иметь внуков.

— Да, но сначала мы с Дэниелом должны пожениться.

Мать покачала головой и рассеянно заправила за ухо прядь седеющих волос.

— Не знаю, чего вы ждете. Вы помолвлены четыре года.

Если точно, то три с половиной, но я не винила ее за округление. Это была большая тема. Мой отец скончался за три месяца до того, как мы с Дэниелом должны были пожениться. Из-за его смерти, потому что нам внезапно вдобавок к свадьбе пришлось планировать похороны, я убедила Дэниела, что нам лучше немного подождать, и он, разумеется, согласился. А потом... мы просто так и не назначили новую дату.

Дэниел никогда не знал своих биологических родителей. Он вырос, кочуя из одной приемной семьи в другую, так что вряд ли кто-то дышал ему в затылок. У нас была только моя мать, и, следует отдать ей должное, примерно через год она перестала давить на меня, лишь время от времени поднимая эту тему, чтобы испытать мое терпение.

— Так что же именно случилось с Оливией Кэмпбелл? — спросила я, чтобы сменить тему.

Мать внезапно помрачнела и на миг закрыла глаза.

— Это ужасно, правда? Она ведь была твоего возраста.

Если я правильно помнила, Оливия была на пять месяцев меня старше. В седьмом классе, за год до того, как все изменилось, она отмечала свой день рождения на местном роликовом катке. Во время катания пар Джимми Клей пригласил ее покататься вместе с ним. Позже она рассказывала нам, что его рука была жутко липкой, и он постоянно вытирал ее о джинсы, когда они кру-

жили под песню «Я хочу, чтобы это было так» группы «Backstreet Boys».

— Откуда тебе известно, что она умерла?

— Прочла в «Фейсбуке».

— А как ты вышла на эту запись?

— Бет Норрис прислала мне сообщение. Она вспомнила, что вы с Оливией были одноклассницами. Сказала, что ее дочь Лесли окончила школу в том же году, что и ты. Ты ее помнишь?

В моем выпуске было 119 учащихся. Имя Лесли Норрис мне ничего не говорило.

— Бет дружит с матерью Оливии в «Фейсбуке». Кстати, про «Фейсбук», я бы очень хотела, чтобы ты завела там себе страничку. Я хочу отметить тебя на старых фотографиях, которые загружаю.

— Мама, мы уже это обсуждали. Из-за моей работы...

— Да, да. Тебе нужна конфиденциальность, потому что ты работаешь с группой детей, которые будут пытаться подружиться с тобой или узнать о твоей личной жизни. Я понимаю.

Эту причину я называла всегда, когда меня спрашивали, и хотя какая-то доля истины в ней определенно была, истинная причина заключалась в том, что я не хотела засвечиваться в социальных сетях. Стоит это сделать, как люди попытаются установить с вами связь. Не только коллеги и семья, но и знакомые. Старые друзья. Друзья, которых вы, возможно, сто лет не видели и с которыми не общались годами. Друзья, которые могут напомнить вам обо всех ужасных вещах, которые вы когда-то совершили.

— Мама, расскажи мне про Оливию. Когда это произошло?

Она взяла свой «айпад» и коснулась экрана.

— Ты не знаешь, что случилось с твоими школьными ежегодниками? Я думала, они в подвале. Искала их раньше, но они как сквозь землю провалились.

— В последний раз я их видела, они были там, в каком-то ящике.

Вообще-то в последний раз я видела свои ежегодники, когда накануне отъезда в колледж тайком вытащила их из спальни и бросила в мусорные баки на улице. Прямо перед тем, как мусорщики приехали на своем грузовике. Но моей матери не нужно этого знать.

Мать кивнула, как бы сама себе, и протянула мне планшет. Не знаю, что я ожидала увидеть, но определенно не страницу матери Оливии Кэмпбелл в «Фейсбуке». Моим глазам предстало довольно краткое обновление статуса, сделанное пять дней назад. Мать Оливии писала, что Бог призвал ее маленькую девочку к себе и что, о господи, она не подозревала, что Оливии было так больно, однако она надеется, что теперь все страдания ее дочери позади.

На пост было более трехсот откликов, в основном сердечек и смайликов с грустными лицами, а также более ста комментариев с соболезнованиями.

Мать сделала глоток чая и осторожно поставила чашку на фарфоровое блюдечко.

— Сегодня утром я отправила матери Оливии запрос о дружбе и сообщение. Я написала ей, что соболезную по поводу случившегося. Я не была уверена, что получу ответ. Мы не общались с ней с тех пор, как вы с Оливией поссорились и они переехали в Гаррисберг, но она ответила через два часа и поблагодарила за соболезнования. Сказала, что прощание и похороны состоятся в эту субботу. Я ответила, что поговорю с тобой и, возможно, ты приедешь.

— Что? — Мой тон шокировал мою мать почти так же, как и меня. — Зачем ты ей это сказала?

— Что бы ни случилось в средней школе, когда-то вы с Оливией были подругами.

Я покачала головой, не находя слов. И вдруг мне в голову пришла одна мысль.

— Погоди, ты ведь сказала, что Оливия покончила с собой.

— Да, так и есть.

— Но в посте об этом не упоминается.

— Нет, конечно. Мать Оливии не хотела придавать это широкой огласке.

Терпение, напомнила я себе — это добродетель.

— Тогда откуда тебе об этом известно?

— Я же сказала тебе: от Бет Норрис. Она сказала мне, что Оливия покончила с собой. Это так... — она умолкла и вновь покачала головой, — так ужасно.

— Зря ты сказала миссис Кэмпбелл, что я приеду. Кажется, Дэниел уже что-то запланировал на эту субботу.

Вообще-то у Дэниела на эту субботу не было никаких планов, по крайней мере, насколько мне было известно, но я решила использовать его в качестве предлога.

— Я уверена, он поймет и изменит свои планы.

— Если честно, мам, я не хочу туда ехать.

— Будь все наоборот, разве тебе не хотелось бы, чтобы Оливия пришла на твои похороны?

— Знаешь, будь я мертва, думаю, мне было бы наплевать.

Мать снова сердито взглянула на меня. Этим взглядом она могла остановить дорожное движение в час пик.

— Если ты приедешь, это будет много значить для матери Оливии.

Упершись локтями в столешницу, я уронила голову на руки и попыталась не закричать.

Голос матери понизился до еле слышного шепота.

— Я знаю все, через что я прошла, когда умер твой отец, да благословит Господь его душу, но, по крайней мере, ему было под шестьдесят. А Оливии? Такая молодая женщина. Я не могу даже...

Она снова умокла. Я на миг подняла глаза и увидела, как она смахнула с глаза слезу.

— Но это не имеет значения. Если ты не хочешь ехать на похороны, Эмили, значит, тебе не нужно этого делать. Я не могу тебя заставить.

Замечательно. Она давит на чувство вины.

Словно почувствовав мои колебания, мать сказала:

— Если ты все же решишь поехать, мать Оливии дала мне адрес похоронного бюро. Это минут сорок на машине отсюда, в зависимости от пробок.

— Не думаю, что Дэниел захочет поехать.

— Тогда не бери его. К сожалению, на этот день у меня уже есть планы. Иначе я с радостью поехала бы с тобой. Кстати, если ты хочешь, я изменю их...

— В этом нет необходимости.

— А что насчет твоих школьных подруг? Когда ты в последний раз разговаривала с Кортни? Вдруг она захочет поехать.

— Может быть.

Я не хотела обсуждать это с матерью. Ей не нужно знать, что я утратила контакт с большинством людей, с кем училась в школе. Несколько друзей, которые у меня имелись, были из колледжа. Потому что в колледже я смогла заново обрести себя. Я могла вести себя так, будто той девочки, кем я была в средней школе, не существовало. Это облегчило мне жизнь.

Кортни... Как вам сказать... Кортни — одна из немногих девчонок нашей первоначальной школьной компании, с кем я дружила в старших классах. Даже когда она забеременела и бросила учебу, мы поддерживали связь.

До того самого лета, когда я окончила школу и улетела в Калифорнию. С тех пор я с ней не общалась.

Мать покачала головой и вытерла очередную слезу. Затем взяла чашку и отпила из нее.

— Хорошо попить чайку. Ты уверена, что не хочешь?

И поскольку я не хотела расстраивать ее больше, чем уже расстроила, я заставила себя улыбнуться.

— Ладно, так уж и быть.

3

Предполагалось, что таунхаус, в котором мы жили с Дэниелом, — это временное решение. Возможно, так оно и было, но мы жили в нем уже три года и не похоже, что когда-нибудь переедем.

В выпускном классе я подала документы в колледжи как можно дальше от дома. Меня приняли в большинство из них, но в конце концов я остановила свой выбор на Калифорнии, в трех тысячах миль от моего прошлого. Я возвращалась домой на каникулы, навещала свою семью и улетала обратно. Я давно решила, какую карьеру я выберу, и поэтому не теряла времени зря. Определилась с нужными мне курсами, взяла необходимое количество кредитов и подала заявки на лучшую стажировку.

Я любила Калифорнию. Выросшая в условиях непредсказуемой погоды Восточного побережья, я наслаждалась постоянным солнцем и теплом. И задумала обосноваться здесь. Поступить в аспирантуру. Найти работу. Обустроиться. На протяжении всей учебы я встречалась с парнями, но ничего серьезного из этого не вышло. Как только все становилось серьезно, я тотчас разрывала отношения.

А потом мой отец заболел раком.

Я стала чаще ездить домой, но это было слишком дорого.

Пообещала перевестись куда-нибудь поближе, но родители ответили твердым «нет». Они хотели, чтобы я закончила тот колледж, в который поступила изначально. Они желали мне только добра. Тем не менее уже на последнем курсе я вернулась в родной город и смогла получить место в колледже в полчаса езды от нас. Я жила дома и ездила на учебу.

Нередко я боялась столкнуться с бывшими одноклассниками, и хотя я видела некоторых из них, никто не был достаточно близок, чтобы мы могли считаться друзьями.

В период стажировки я работала кризисным сотрудником в местном отделении неотложной психологической помощи. Когда кто-то поступал сюда с мыслями о причинении вреда себе или другим, моя работа заключалась в том, чтобы оценить их состояние и определить, можно ли им вернуться домой, или требуется психиатрическая госпитализация.

Там я встретил Дэниела. Он только что закончил медицинский колледж и работал медбратом в отделении неотложной помощи. Сказать, что он красив, значит ничего не сказать. Темно-синие глаза, ровный загар, слегка взлохмаченные волосы и вечная легкая щетина — стоило мне впервые увидеть его, как меня тотчас же потянуло к нему. Было еще кое-что. Дэниел был терпелив с людьми, которые попадали в отделение неотложной помощи, даже с самыми вздорными и склочными. Он был само дружелюбие, особенно с детьми. Я узнала, что по выходным он волонтерит в клубе «Мальчишки-девчонки». Мы часто виделись на ходу, иногда останавливались поболтать. Однажды Дэниел пригласил меня на кофе, и я согласилась. Через год мы обручились.

К тому моменту у моего отца была ремиссия, и казалось, что он выздоравливает. Он был в восторге от нашей помолвки. Ему очень нравился Дэниел. Моей матери тоже. Он нравился всем.

Я стала проводить все больше и больше времени в квартире Дэниела, но там было тесно, поэтому через полгода после того, как он сделал мне предложение, мы решили вместе арендовать таунхаус. Это всего на пару лет, сказали мы друг другу, пока не поженимся и не начнем присматривать себе дом. При условии, что захотим остаться в этом районе. Я втайне мечтала вернуться в Калифорнию, но мне не хотелось бросать родителей, особенно когда заболел мой отец. У Дэниела не было семьи, которая бы привязывала его к одному месту, и он сказал, что будет счастлив везде, где бы мы ни оказались, главное, чтобы мы были вместе.

Мы назначили дату и приступили к планированию свадьбы, небольшой церемонии на открытом воздухе. Только несколько членов семьи и друзей. Ничего лишнего. Но потом отец скончался. С тех пор прошло почти два года, а мы все еще жили в таунхаусе.

Дэниела дома не было. Последние пару месяцев он работал в две смены. Деньги были хорошие, а Дэниел любил свою работу, хотя казалось, что теперь мы почти не виделись.

Я привыкла к пустому дому. Соседи по обе стороны были тихими. Джим и Том, пара слева от нас, всегда хватали пакеты, оставленные на крыльце, чтобы никто, проезжая мимо, не мог их украсть. У Эндрю и Барб, соседей постарше, что живут справа, был джек-рассел-терьер, который иногда слишком громко тявкал, но их самих обычно не было слышно.

Я переделалась в спортивный костюм и футболку и спустилась на кухню. В раковине скопилось несколько

грязных тарелок. Я загрузила их в посудомоечную машину, протерла столешницу, проверила, нужно ли вынести мусор.

В гостиной я устроилась на диване с пультом в руке. И вскоре зевнула. Сражаясь с внезапной зевотой, я нажала на кнопку «Нетфликса», пролистала фильмы и телешоу, которые мы с Дэниелом добавили в плейлист. Ничего интересного.

Меня все никак не покидали мысли об Оливии. О том, что она покончила с собой. Я не думала о ней много лет. Не думала ни о ком из моих школьных подруг. О нашей компании. О популярных девочках.

Мы назвали себя гарпиями после того, как Кортни подслушала, что миссис Кокрейн, наша учительница английского языка в седьмом классе, назвала нас так в разговоре с другим учителем. Кортни, незнакомая с этим словом, немедленно заглянула в словарь и узнала, что гарпия означает «хищная птица с женским лицом».

Мы все считали, что это прозвище поможет нам казаться круче, чем мы были на самом деле, но Маккензи восприняла его почти что лично, так как ее фамилия была Харпер¹. Миссис Кокрейн, рассудила Маккензи, явно имела в виду ее, потому что она была нашей заводилой.

Все остальные знали: Маккензи просто вела себя как типичная эгоистка, но это прозвище нам понравилось. Мы решили, что это круто, и мы стали гарпиями.

Я, конечно, помнила их имена — Элиза и Маккензи, Оливия, Кортни и Дестини, — но успешно выбросила их из головы. Или, по крайней мере, я открыла ящик, заперла в него воспоминания, заперла и выбросила ключ.

¹ Наргу (гарпия) — по-английски произносится как «ха[r]пи», а фамилия Харпер (Harper) — как «ха[r]пэ».

Я перевернула левую руку и посмотрела на шрам на ладони. Такой тонкий, что если не знать, что он там, едва ли можно увидеть.

Дэниел однажды прокомментировал шрам, спросил, что случилось Я отмахнулась, сказав, что случайно порезалась, еще будучи подростком. Что в принципе так и было.

Я снова зевнула, уже сильнее, и этот зевок было труднее игнорировать.

Переключив канал на передачу по благоустройству дома, я уменьшила громкость, удобно устроилась на диване и, решив, что краткий сон мне не повредит, закрыла глаза. Всего несколько минут, чтобы очистить голову от призраков.

* * *

Звенит звонок, резкий, неприятный звук, и дети в коридоре расходятся по классам.

Я застыла посреди коридора, не в силах пошевелиться. С плеча свисает рюкзак. К груди прижат учебник. Страницы с запахом плесени подсказывают мне: это учебник естествознания для восьмого класса.

В коридоре воцаряется тишина. Двери классов закрыты.

Я опаздываю на урок, но все еще не могу пошевелиться.

Что-то громко падает на пол, громко, как грохот фейерверка. Что бы это ни было, оно сзади меня. Я хочу повернуться, но не могу.

Бум!

Мгновение тишины.

Бум!

Я оборачиваюсь.

В конце коридора спиной ко мне стоит девушка. Ее руки опущены вдоль боков. По запястьям к кончикам пальцев стекает кровь. Алые капли на мгновение замирают в подвешенном состоянии, а затем падают на линолеум.

Звук фейерверка — бум! — каждый раз, когда капля крови падает на пол.

Теперь, когда я снова могу двигаться, я спешу в класс. На урок географии мистера Баррета, через три двери слева. Мое место будет пустым. Я боюсь, что он отметит меня как опоздавшую. Три опоздания, и я получаю меру пресечения. Что означает, что на выходных я не смогу выйти из дома, чтобы тусоваться с подругами. Что, в свою очередь, означает, что большую часть этого времени они проведут, перемывая мне косточки за моей спиной.

Несмотря на все это, я прохожу мимо двери мистера Баррета.

К девушке, что стоит спиной ко мне.

Оливия?

Нет, это не Оливия. Конечно, нет. С какой стати это может быть Оливия?

Когда до нее остается всего несколько ярдов, кровь с запястий девушки начинает литься быстрее. Теперь капли крови падают как капли дождя. Бум-бум-бум-бум! У ее ног уже натекли две лужи крови.

Девушка не двигается.

Я всего в нескольких шагах от нее. Я не хочу здесь находиться. Я хочу быть на уроке географии мистера Ф. Баррета, слушать, как он с воодушевлением рассказывает про дрейф континентов, расширение морского дна и теорию тектонических плит.

Но в этом сне — кстати, теперь я знаю, что это сон, кошмар, — мое тело неподвластно мне, поэтому я поднимаю руку и тянусь к девушке.

Кончики моих пальцев в нескольких дюймах от нее.
Все, что мне нужно сделать, — еще один шаг.

Еще один шаг...

Я вырвалась из сна так быстро, что мне показалось, будто я ударила ту девушку. Не только ударила, но и услышала ее крик:

— Боже мой!

Правда, это не было похоже на крик девушки, которую ударили. Мужской голос, причем довольно знакомый. Секундой позже я почти пришла в себя. Постепенно до меня дошло, где я. Дома, в гостиной. Телевизор включен. Держась за лицо, Дэниел отшатнулся от меня.

Я села прямо, затем вскочила на ноги.

— О боже! Ты в порядке?

Он поднял другую руку, удерживая меня.

— Да, я в порядке. Просто не ожидал. Похоже, это был безумный сон.

Я открыла рот, чтобы ответить, но не смогла. Обвела взглядом гостиную, как будто где-то в углу скрывался нужный ответ.

Дэниел все еще был в коричневой больничной униформе. Должно быть, он только что вернулся с работы и застал меня на диване в гостиной.

— Эмили, с тобой все в порядке?

Я сглотнула и заставила себя кивнуть.

— Да, в полном порядке. Как ты сказал, просто безумный сон.

— Похоже на кошмар.

Я пропустила мимо ушей его слова и сделала шаг вперед.

— Дай посмотрю на твое лицо.

Я хотела осторожно убрать его руку, но он покачал головой и отступил.

— Со мной все в порядке.

— Дэниел.

— Я сказал: со мной все в порядке. Приму душ.

Он повернулся и направился к лестнице. Я беспомощно смотрела на него, не зная, что сказать или сделать.

Он уже почти поднялся по лестнице, когда я спросила:

— Что бы ты хотел на ужин?

Он остановился и пожал плечами.

— Мне все равно.

— Заказать готовую еду?

— Я не против.

Я даже не успела спросить его, какую именно. Прижав ладонь к щеке, он вновь снова начал подниматься по лестнице.

* * *

Дэниел спустился вниз как раз в тот момент, когда я взяла у курьера пакет с китайской едой и закрыла дверь.

В первый год нашей совместной жизни мы с Дэниелом частенько ходили в ресторан. Теперь же было достаточно открыть на телефоне приложение, нажать пару-тройку кнопок, и вуаля: еда с доставкой на дом. Курица с кунжутом для меня, му-гу-гай-пан¹ для Дэниела плюс два яичных ролла.

Дэниел взял свой контейнер, достал из холодильника бутылку с водой и, сев за стол, уткнулся в телефон. Я села напротив него и рассеянно потыкала вилкой еду.

Должно быть, Дэниел почувствовал, что я наблюдаю за ним, потому что он оторвался от телефона, выдавил улыбку, а затем снова впился глазами в экран.

— Нормальное лицо, — сказала я.

Он снова, нахмурившись, взглянул на меня.

¹ Му-гу-гай-пан — блюдо из курицы с грибами.

— Э-э-э... ну спасибо.

— Я имею в виду твою щеку. По которой я тебя ударила. С того места, где я сижу, она выглядит неплохо.

Он пожал плечами и откусил еще кусок. За окном свое ежевечернее тьякканье начал джек-рассел-терьер наших соседей, Эндрю и Барб.

Я снова посмотрела на свой ужин. Из-за графика работы Даниэля мы теперь редко ели вместе. Обычно я разогревала себе в микроволновке готовое блюдо из супермаркета или делала бутерброд, а иногда просто съедала тарелку хлопьев.

Несколько лет назад мы с Дэниелом приняли решение, что, когда мы вечером вместе дома, то будем ужинать, сидя за кухонным столом, как взрослые люди, и, хотя эта традиция продолжалась, я начала задаваться вопросом, в чем ее смысл. Дэниел редко спрашивал меня, как прошел мой день, поскольку знал, что я не могу распространяться о пациентах. Мы оба работали в сфере медицины и потому знали, как работает закон о неразглашении медицинской тайны.

Раньше Дэниел иногда рассказывал мне про свой день, про людей, с которыми имел дело в отделении «Скорой помощи», порой даже делился сплетнями, услышанными от его коллег, но потом все это сошло на нет. Теперь мы разговаривали друг с другом только в крайних случаях, пара-тройка реплик с каждой стороны, но никогда ничего серьезного.

Я не валила всю вину на Дэниела. Раньше он был открытым, теплым и любящим. Порой меня мучил вопрос, какими были бы наши отношения, если бы мой отец не умер. Если бы мы поженились и переехали из таунхауса в другое место. Возможно, тогда все было бы иначе, и мы с Дэниелом не проводили бы так много времени, играя в молчанку.

— Моя подруга Оливия покончила с собой.

Я сказала эти слова, сама не зная почему. Просто хотела нарушить царившее молчание. Дэниел поднял глаза, перестал жевать и снова посмотрел на меня.

— Это случилось пару дней назад. Узнала только сегодня. Мать сообщила мне.

Дэниел проглотил кусок, положил телефон на стол и вытер салфеткой рот.

— Кто такая Оливия?

— Старая подруга. Еще по школе. Когда-то мы были близки, но я не разговаривала с ней много лет.

— Сочувствую.

Я понятия не имела, почему я не закрывала рта.

— Похороны в субботу.

— Поедешь?

— Еще не решила.

Дэниел смотрел на меня еще мгновение, ожидая, что я скажу что-то еще, а когда я промолчала, сказал:

— Черт. Сочувствую. Ужасно.

В альтернативном мире я бы представила себе совершенно другую реакцию. В этом мире мой отец все еще жив. Мы с Дэниелом женаты уже два года. Мы покинули таунхаус и переехали в собственный дом. Возможно, у нас есть собака. В хорошую погоду мы все еще ходим в походы. Зимой ездим на север покататься на лыжах.

Мы ходим с друзьями Дэниела в бары, на их кулинарные и прочие вечеринки. Иногда я даже сопровождаю Дэниела в клуб «Мальчишки-девчонки», где он до сих пор волонтерит.

Да, даже в этом альтернативном мире у нас нет собственных детей. У нас это большая тема, и она нередко становится причиной ссор.

Но эти ссоры длятся недолго. Мы всегда миримся. Мы обнимаемся, целуемся и заканчиваем ночь в одной по-

стели, наши тела соприкасаются под простынями, мы чувствуем, что в безопасности и любимы.

В том альтернативном мире, если бы Дэниел только что узнал, что одна из моих старых подруг умерла — более того, покончила жизнь самоубийством, — он немедленно встал бы, чтобы обнять меня. Он сказал бы мне, что все будет хорошо, что он поедет со мной на похороны. Даже если бы ему пришлось для этого взять отгул или пропустить волонтерство, он был бы рядом, чтобы поддержать меня.

Но то альтернативный мир, а это — настоящая жизнь. Здесь, в ней, Дэниел взял вилку и телефон и снова ушел в тот кокон, в котором он всегда всем доволен, в свой собственный маленький мирок.

А я? У меня тоже свой замкнутый мирок. Я взяла вилку и вновь потыкала в мясо с кунжутом. Дэниел сидел напротив меня, тупо глядя в телефон. Соседский пес Эндрю и Барб продолжал тявкать, тявкать и тявкать.

4

— Вы хоть раз видели ее лицо?

— Нет.

— Вы хоть раз подошли достаточно близко, чтобы потрогать ее?

— Нет.

— Как вы думаете, кто это был?

Готового ответа у меня не было. Я села на кожаную кушетку — настоящую кожаную кушетку, а не какой-то дешевый кожзам, как в моем кабинете — и посмотрела на тонюсенький шрам на моей левой ладони.

Когда молчание затянулось, я взглянула на Лизу. Скрестив тонкие ноги, она сидела на сетчатом эргономичном кресле рядом с рабочим столом и смотрела на меня. Ей

было под пятьдесят. Стройное телосложение, волевой подбородок. Насколько я знаю, она никогда не была хиппи, но обожала одеваться в их стиле — в красочные цветастые платья и топы. Когда же она двигала руками, браслеты на запястьях тонко звенели.

Лиза была вторым терапевтом, которого я посещала после окончания школы, и я приходила к ней последние два года. Как и все хорошие мозгоправы, она никогда не говорила мне того, что я хотела услышать, и всегда подталкивала меня дальше, чем мне самой хотелось бы идти.

Она наклонила голову и приподняла безупречно ухоженную бровь.

— Итак?

Я промолчала.

Лиза сняла с колен блокнот, бросила его на стол и скрестила руки.

— Почему вы сегодня такая упрямая?

— Я не упрямая.

— Вы не отвечаете на мой вопрос.

— Может, я не знаю ответа.

— Вы отлично его знаете.

Лиза была тем, кого называют психотерапевтом частной практики. Она не имела отношения к государственной медицинской помощи, поэтому клиенты были вынуждены либо иметь частную страховку, либо платить из своего кармана. Благодаря этому кабинет Лизы был намного уютнее кабинетов большинства психотерапевтов. У нее был большой дубовый стол, на котором стоял навороченный «Макинтош». Дорогой коврик защищал паркетный пол. Кожаная кушетка плюс кожаное кресло. Возле двери висели настенные часы ручной работы с римскими цифрами по кругу, добавлявшие обстановке изысканности.

Когда я не ответила, Лиза обернулась на своем сиденье, взглянула на часы и снова повернулась ко мне.

— У нас осталось двадцать минут. Вы хотите закончить прямо сейчас или вы намерены и дальше сидеть и упираться?

— Я не упираюсь.

— Конечно, упираетесь.

— Я знаю, что вы делаете.

Она снова выгнула бровь.

— Уверены?

— Да, вы намеренно вынуждаете меня защищаться. Вам кажется, что это поможет мне понять мой сон.

— Почему вы так считаете?

— Потому что я иногда делаю то же самое. И научилась этому у вас.

Она улыбнулась моим словам, но не рассмеялась. С тех пор как я начала ее посещать, я всего несколько раз слышала, как она смеется, и задалась целью попытаться рассмешить ее на каждом сеансе. Расколоть профессиональный фасад было нелегко — самое большее, что у меня получалось, это заставить ее улыбнуться, — и все же было приятно поговорить с кем-то, у кого не было каких-то тайных мотивов, с кем-то, кто не осуждал вас, когда вы лягнули или совершили какую-то глупость.

Мой взгляд упал на фотографию Лизы и ее мужа в рамке на столе. Я уже не в первый раз задавалась вопросом, какие у них отношения. Делятся ли они за ужином чем-то важным или позволяют молчанию перерасти в стену между ними.

Мне нравилось думать, что у них хорошие отношения — хорошие, крепкие отношения, такие, которые никогда не дают трещину. Бывали времена, когда я думала, что все, что нам с Дэниелом нужно, — это дружба с парой постарше, которая умеет вместе разбираться в

личных проблемах и которая помогла бы нам увидеть то, чего можно добиться.

Но этого, конечно, никогда не произойдет, по крайней мере, пока я пациентка Лизы; и даже если бы я подняла эту тему в разговоре с Дэниелом, я уверена, что он бы от нее отмахнулся.

Лиза вновь взглянула на часы.

— Пятнадцать минут.

В моей сумочке зазудел телефон. Я вытащила его.

— Разве вам нравится, когда телефоны ваших пациентов звонят во время сеанса? — спросила Лиза.

Не обращая на нее внимания, я проверила, кто звонит. Номер был местный, но незнакомый. Я нажала кнопку «отклонить звонок», затем зажала кнопку сбоку и выключила телефон. Как только экран погас, я показала его Лизе.

— Вот, я его выключила. Довольны?

— Я была бы довольна, если бы вы ответили на мой первоначальный вопрос.

— А каков был ваш первоначальный вопрос?

— Не притворяйтесь, Эмили.

Я вздохнула и отвернулась.

— Не знаю.

— Чего именно вы не знаете?

— Я не знаю, кто эта девушка.

Лиза скептически посмотрела на меня, но ничего не сказала.

Я привстала на кушетке.

— Не могу вспомнить, когда мне в последний раз снился кошмар.

— А прошлой ночью у вас был один и тот же кошмар дважды.

— По крайней мере, я так помню. Сначала, когда я вздремнула, а потом позже... Я едва могла уснуть. Как тут уснешь, когда рядом храпит Дэниел.

— Не хотела ничего говорить, но вы выглядите потрепанной. — Лиза сказала это с серьезным лицом, но, посмотрев на меня, улыбнулась. — Это шутка, Эмили. Как дела у вас с Дэниелом?

Я не хотела говорить сегодня про Дэниела — как не хотела говорить о нем в большинство других дней, — но я знала, что если не отвечу, Лиза будет копать дальше.

— Все то же самое.

— Как это понимать, «все то же самое»?

— Просто... все так же.

— Вы как будто отдаляетесь друг от друга?

— Да.

— Когда вы в последний раз были близки?

— Проехали.

Лиза улыбнулась.

— Ладно, не будем. Ваш распорядок дня сильно изменился за последнее время?

— Нет, он почти тот же самый. Я иду в спортзал, ем йогурт и батончик с мюсли, затем еду в офис. То же самое сегодня утром. За исключением того, что сегодня пятница, единственный день в неделю, когда я могу удостоить вас своим присутствием, поэтому я поспешила сюда в обеденный перерыв, чтобы вы могли помучить меня.

Лиза снова улыбнулась, но ничего не сказала. На пару мгновений воцарилось молчание, и я снова тяжело вздохнула.

— Думаю... возможно, это Оливия.

Лиза смотрела на меня, ожидая, что я скажу дальше.

— А вы так не думаете, — сказала я.

— Меня в том сне не было. Я не видела того, что видели вы. Но ваша мать рассказала вам о смерти Оливии только вчера. Тот факт, что вам так быстро приснился такой яркий сон... Возможно, самоубийство вашей подруги.

ги подстегнуло то, что вы долгое время носили глубоко в себе.

Я покачала головой и провела рукой по волосам.

— Нет, дело не в Грейс. Мы это уже обсудили. Я вам все рассказала. Я бы не стала ничего скрывать.

— Может быть. Или же утаили что-то бессознательно. Возможно, в мыслях вы рассказали мне все, но что-то еще осталось.

— Например?

— Это я спрашиваю вас, Эмили. Вы стали психотерапевтом из-за этой девочки. Вся ваша жизнь пошла по иному руслу из-за вашего чувства вины. Это очень важно.

— Я знаю.

— Вы так ее и не нашли.

— Я пыталась.

— Может, вы недостаточно старались.

— Вы шутите, что ли? Я наняла частного детектива. Потратила триста долларов. Когда она и ее мать уехали, она, по сути, исчезла.

От отчаяния в собственном голосе я внутренне съехала.

— Никто просто так не исчезает, — сказала Лиза. — Вы пробовали искать ее в Интернете? Может, она есть в «Фейсбуке».

— Я не пользуюсь «Фейсбуком».

— Рада за вас. Но, возможно, Грейс им пользуется.

— Не думаю, что Грейс — причина того, что мне приснился кошмар.

Лиза взглянула на часы.

— У нас мало времени, так что давайте закругляться. Эмили, будьте со мной честны. Скажите, вас раздражает, когда вы точно знаете, что нужно вашей клиентке, чтобы помочь себе, но она упорно отказывается это видеть?

Я не ответила.

— Думаю, именно это здесь и происходит. Как психотерапевты, мы хорошо видим, что происходит с другими

людьми, когда же дело касается нас самих, мы становимся на редкость не сообразительны.

— Так что, по-вашему, мне нужно делать?

— Вы отлично знаете, что вам нужно делать.

Я на миг задумалась, затем покачала головой.

— Это было бы неловко. Я много лет не видела Оливию и не разговаривала с ней. И вдруг появлюсь неизвестно откуда...

— Позволю себе откровенность. — Лиза впиалась в меня серыми, как океан, глазами. — Дело не в Оливии. Дело не в семье Оливии, хотя я уверена, они будут признательны, если вы приедете на похороны. Речь идет о том, чтобы поставить в этой истории точку.

— Какого рода точку я поставлю, если поеду на похороны Оливии?

— Вам это лучше знать. Это вам снилась девушка, у которой кровоточат запястья.

Я снова села на кушетке, так резко, что Лиза вздрогнула.

— Черт, не могу поверить, что я не соединила точки.

— Какие точки?

— Моя новая пациентка. Ее зовут Хлоя. Я видела ее только вчера, прямо перед тем, как встретила с мамой, и она рассказала мне об Оливии. Ей тринадцать, и она режет себя.

Лиза промолчала.

— Неужели вы не видите? Хлоя порезала себе запястья. Возможно... возможно, встреча с ней прямо перед тем, как я узнала о самоубийстве Оливии, и стала причиной того, что мне приснился этот сон.

Лиза ничего не сказала, просто встала со стула, разгладила складки на юбке и направилась к двери.

— Вам не кажется, что я права?

Лиза умолкла и повернулась ко мне.